

УДК 811.133.1

DOI 10.51955/2312-1327_2024_2_150

РАЗНАЯ СУДЬБА ЛАТИНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА «ИНФИНИТИВ + *HABEO*» И «*HABEO* + ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ДРУГИХ РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Лидия Анатольевна Становая,
orcid.org/0000-0002-1702-4506,
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
наб. реки Мойки, д.48
Санкт-Петербург, 191186, Россия
lida_stan@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается разная судьба латинских глагольных конструкций типа *cantare habeo* > *je chanterai* и *habeo cantatam* > *j'ai chanté*. В результате проведенного анализа были выявлены причины появления этих перифраз в латинском языке; установлены особенности их дальнейшей трансформации в вульгарной латыни в период формирования романских языков; определена специфика дальнейшего развития рассматриваемых конструкций в процессе эволюции французского языка и их место в глагольной системе современного французского языка; предложено новое объяснение этого удивительного феномена эволюции французского и других романских языков.

Ключевые слова: латинский язык, романские языки, грамматизация, история французского языка, языковая экономия, глагольная система.

DIFFERENT FATE OF LATIN VERB CONSTRUCTIONS TYPE «INFINITIVE + *HABEO*» AND «*HABEO* + PAST PARTICIPLE» IN FRENCH AND OTHER ROMANCE LANGUAGES

Lydia A. Stanovaia,
orcid.org/0000-0002-1702-4506,
Doctor of Philology, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika River Embankment
St. Petersburg, 191186, Russia
lida_stan@mail.ru

Abstract. This article examines the different fate of Latin verb constructions type *cantare habeo* > *je chanterai* and *habeo cantatam* > *j'ai chanté*. As a result of the analysis, the reasons for the appearance of these periphrases in the Latin language were identified; the features of their further transformation into vulgar Latin during the formation of Romance languages were established; the specifics of the further development of the considered constructions in the process of evolution of the French language and their place in the verb system of modern French were determined; a new explanation of this amazing phenomenon of the evolution of French and other Romance languages was proposed.

Keywords: Latin, Romance languages and Romance linguistics, grammaticization, history of the French language, linguistic economy, verb system.

Введение

Латинский язык, как известно, в процессе формирования французского и других романских языков претерпел многочисленные изменения, обусловленные, с одной стороны, общезыковым развитием аналитизма и трансформацией слова-предложения в слово (подробнее см.: [Становая, 2020; Становая, 2022]), а с другой, совершенствованием отдельных подсистем и парадигм в русле языковой экономии (подробнее см.: [Становая, 2017]). Однако, причины формирования и эволюции многих языковых элементов по-прежнему остаются неясными и/или дискуссионными. Таковы, например, причины появления и разной эволюции в разных романских языках двух латинских глагольных конструкций типа «инфинитив + *habeo* (*habes, habet, etc*)», далее – *cantare habeo*, и «*habeo* (*habes, habet, etc* (+ прямое дополнение) + причастие прошедшего времени (*participium perfecti passivi*)», далее – *habeo (epistulam) scriptam*.

Известно, что эволюция латинских конструкций типа *habeo (epistulam) scriptam* завершилась формированием сложных, аналитических видо-временных форм глагольного спряжения во всех романских языках, например, во французском языке: *j'ai écrit (une lettre)*, итальянском: *ho scritta (una lettera)*, испанском: *ha escrito (una carta)*, португальском: *tenho escrito (uma carta)*, румынском: *am scris (o scrisoare)*.

Напротив, эволюция латинских конструкций типа *cantare habeo* завершилась формированием синтетических форм будущего времени во французском языке: *je chanterai*, итальянском: *cantero*, испанском, каталанском: *cantaré*, португальском: *cantarei*; но в сельвском: *vegnerai a cantar* (< *venio ad cantare*), сардинском: *deppo/appo cantare* (< *debeo/habeo cantare*), румынском: *voi cânta* (< *volo cantare*), некоторых южных говорах итальянского языка: *aggio a canda* (< *habeo ad cantare*), эти конструкции остаются по-прежнему аналитическими¹.

Таким образом, судьба двух формально идентичных глагольных конструкций латинского языка оказалась различной не только в разных романских языках, но даже в одних и тех же, в том числе и во французском.

Важно при этом отметить, что одни глагольные формы образованы по структурной модели раздельнооформленного, аналитического слова, где лексема и граммема (граммемы) отделены друг от друга и где граммема (граммемы) предшествует лексеме, например, структура *j'ai écrit*: граммема лица *j'* + граммема времени и наклонения *ai* + лексема *écrit*. Другие, напротив, образованы по структурной модели цельнооформленного, синтетического слова, где лексема предшествует граммеме (граммемам), например, структура *chanterai*: лексема *chante-* + граммема времени *-r-* + граммема лица *-ai* (подробнее см.: [Становая, 2020]). Получается, что несмотря на бурное развитие аналитизма в период формирования и эволюции французского языка, были

¹ Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию: учебник по направлению 031000 и специальности 031001 «Филология» / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2007. 453 с. EDN QTFXQZ

образованы не только новые аналитические формы глагольного спряжения, но и синтетические.

Анализ работ по истории французского языка и романской филологии в целом показывает, что причины как появления, так и разной эволюции рассматриваемых конструкций оказываются в целом неясными. Между тем, этот удивительный феномен языковой эволюции несомненно требует своего объяснения.

Для решения указанных вопросов мы обратились к исследованиям глагольных систем латинского и французского языков, чтобы, во-первых, выявить причины появления обеих конструкций в латинском языке, во-вторых, установить особенности их дальнейшей трансформации в вульгарной латыни в период формирования романских языков; в-третьих, определить специфику дальнейшего развития рассматриваемых конструкций в процессе эволюции французского языка и их место в глагольной системе современного французского языка, и, наконец, в-четвертых, предложить новое объяснение рассматриваемым явлениям. Настоящая статья представляет результаты проведенного нами исследования.

Конструкция *cantare habeo*

Обычно историки французского языка лишь констатируют новые «романские» формы будущего времени без указания причин их появления в латинском языке и особенностей дальнейшего преобразования аналитической конструкции в синтетическую форму. Так, в подавляющем большинстве работ по истории французского языка более или менее подробно описывается специфика спряжения старофранцузских глаголов в будущем времени, сохранение в ряде текстов некоторых латинских форм будущего времени глагола *estre*; особенности употребления будущего времени на разных этапах эволюции французского языка.

В романской филологии наиболее распространенным объяснением причин появления новых форм будущего времени в латинском языке является смешение глагольных форм, произошедшее в результате фонетических изменений:

а) билабиализация интервокального $b > \beta > v$ вызвала смешение форм будущего времени (*futurum I*) и перфекта (*perfectum*), например: *cantabit fut. I ind. act.* и *cantavit perf. ind. act.*;

б) расширение $\ddot{i} > e$ вызвало смешение форм будущего времени (*futurum I*) и презенса (*praesens*), например: *leges fut. I ind. act.* и *legis pr. ind. act.*;

в) уже в латинском языке флексия будущего времени *-am* у глаголов III и IV спряжения совпадала с флексией конъюнктива (*conjunctivum*) настоящего времени, например: *vendam, audiam fut. I ind. act., pr. conj. act.*

К этому смешению форм добавилась «конкуренция», во-первых, с формами настоящего времени, которые часто употреблялись в значении будущего, и во-вторых, с более выразительными конструкциями с глаголами *habeo, volo, debeo, venio* в личных формах настоящего времени с инфинитивом, которые выражали различные модальные значения (долженствования, желания, возможности, необходимости) действий в будущем. «Победа»

инфинитивных конструкций была обусловлена развитием номинативного типа предложения, вызвавшего также замену пассивных конструкций активными: *mihi liber legendus est* → (*ego*) *librum legere habeo*. Конструкция с глаголом *habeo* сочетала значения обязательности, необходимости действия и будущего времени. Постепенно значение обязательности, необходимости действия исчезло, и вся конструкция стала выражать только значение будущего времени. Порядок «лексема (инфинитив) + граммема (вспомогательный глагол)» связан с влиянием германского суперстрата или кельтского субстрата¹ (см. напр.: [Бурсье, 1952, с. 104-105; Доза, 1956, с. 237-238; Сергиевский, 1952, с. 123-124; и др.]).

Подробный анализ семантической эволюции инфинитивной конструкции с глаголом *habeo*, осуществленный в работах последних десятилетий, показал, как значение обязательного, необходимого действия в будущем становится основным, а глагол *habeo* десемантизируется и становится служебным. Одновременно с этим, меняется соотношение «истинности – гипотетичности» (*éventuel, irréel – potentiel*) будущего действия в конструкциях с глаголом *habeo* в презенсе (*cantare habeo* > *chanterai*), ставшими во французском языке формами (категорического) будущего времени (*futur simple*, или *futur cathégorique*), или имперфекте (*cantare habebam* > *chanterais*), ставшими во французском языке формами условного наклонения (*conditionnel présent*) или гипотетического будущего времени (*futur hypothétique*). Порядок «лексема (инфинитив) + граммема (вспомогательный глагол)» связан с частотностью такого употребления в латинском языке [Grande Grammaire..., 2020, p. 1518-1520].

Однако иная хронология событий заставляет усомниться в указанном порядке причинно-следственных отношений.

Так, билабиализация *b* > *β* и далее *β* > *v*, приведшая к смешению форм футурума I и перфекта (*cantabit* ~ *cantavit*), начинается в I в. [Широкова, 1995, с. 53], или во II в. [Бурсье, 1952, с. 47], или в I в. – *b* > *β*, а в конце III в. – *β* > *v* [Zink, 1999, с. 61-62]. Расширение *ī* > *e*, приведшее к смешению форм футурума I и презенса (*legis* ~ *leges*), начинается в III в. [Бурсье 1952, с. 41; Zink, 1999, с. 51], или в III-V вв. [Широкова, 1995, с. 53].

Таким образом, смешение форм футурума I с другими временными формами могло бы вызвать употребление форм настоящего времени и рассматриваемых инфинитивных конструкций не ранее II-III вв. или даже позже, учитывая спорность хронологии указанных фонетических изменений и необходимый временной интервал между причиной и следствием.

Между тем, употребление форм настоящего времени в значении будущего зафиксировано в I в. у Петрония (27-66 гг.) [Тронский, 1953, с. 269], а инфинитивных конструкций с глаголом *habeo* – уже в I в. до н.э. Сначала, в I в. до н.э., в произведениях Цицерона (106 г. до н.э. – 43 г. до н.э.), а затем у Цезаря (100 г. до н.э. – 44 г.), эта конструкция имеет значение возможности будущего действия, далее у Сенеки (4 г. до н.э. – 65 г.) – необходимости. Во II в., в трудах

¹ Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию: учебник по направлению 031000 и специальности 031001 «Филология» / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2007. 453 с. EDN QTFXQZ

Тертуллиана (155/165-220/240 гг.) появляется значение обязательности будущего действия, т.е. действия, которое произойдет обязательно. Затем, в конце империи (476 г.) – собственно будущего времени [Бурсье, 1952, с. 104-105; Бурсье, 1952, с. 164-165].

А. Дарместетер считал, что значение обязательности будущего действия впервые зафиксировано во II в. в трудах Минуция (Marcus Minucius Felix, ум. около 210 г.), затем – у Тертуллиана и других «отцов церкви», и уже с III в. во всех клерикальных произведениях конструкция употребляется в значении собственно будущего времени [Hatzfeld et al., 1895, p. 217-218].

Важно отметить скорость проходящих процессов грамматизации, включающей десемантизацию глагола *habere* до уровня вспомогательного, и морфологизации, включающей разрушение глагола *habere* до уровня морфемы (-*ai*, -*as*, -*at*, etc), необходимых для трансформации глагольной перифразы сначала в аналитическую конструкцию и далее в морфологическую форму, завершившиеся до/к VII в.: первая письменная фиксация новой формы будущего времени *daras* вм. *dabis* зафиксирована в тексте хроники Фредегария (Fredegarius) «История франков» (*Chronicorum libri IV cum continuationibus*), написанной около 660 г. и зафиксированной в латинской рукописи конца VII-начала VIII в. (Paris, BNF, Lat. 10910, около 700 г.).

Несмотря на споры, очевидно, что употребление инфинитивной конструкции с глаголом *habeo* в значении возможного, необходимого, обязательного будущего времени, зафиксированное уже в литературных текстах I в. до н.э., обусловлено не фонетическими изменениями, проходящими в I-V вв., а продолжающейся в латинском языке внутренней перестройкой глагольной системы, в том числе и категории будущего времени.

Так, по мнению И.М. Тронского, сходство флексий будущего времени (футурума I) -*am* у глаголов III и IV спряжения и конъюнктива настоящего времени (*vendam*, *audiam* fut. I ind. act., pr. conj. act.) свидетельствует о том, что в долитературной, архаической латыни именно конъюнктив как «наклонение побуждения и ожидаемого действия» употреблялся для выражения будущего времени. Стремление создать будущее время, выражающее «объективное будущее», привело к образованию «симметричной» системы индикатива и «субъюнктива», в которой сосуществовали «старые» формы конъюнктива в значении будущего и «новые» описательные с суффиксом *-bhē/ō от вспомогательного глагола *bhū – быть [Тронский, 1953, с. 108-111].

Учитывая все более и более нарастающее употребление инфинитивных конструкций, выражающих возможность, необходимость, обязательность будущего действия, можно заключить, что «новые» формы будущего времени на -b- (*cantabit*) не справились с задачей выражения «объективного будущего».

Чтобы понять причину этой неудачи, необходимо обратиться к теории Г. Гийома, который отметил разницу в характере настоящего времени в латинском и французском языках: в латинском языке настоящее время было широким, «горизонтальным», а во французском стало узким, «вертикальным».

В латинской и французской системах глагольного времени настоящее время, презенс, находится в центре времен индикатива и разделяет временные

планы прошедшего и будущего. Любое время как действие имеет свое начало, или инцидентцию и конец, или декаденцию. Начало действия, соответственно, приход, наступление времени обозначено Г. Гийомом как альфа (α), тогда как конец действия, соответственно, уход в прошедшее время – как омега (ω)^{1,2} [подробнее см.: Guillaume, 1970; Valin, 1994, p. 75-78]).

Настоящее время по своей композиции представляет двучастную кинетическую единицу, которая объединяет в своей семантике обе частицы времени, поскольку есть и приход времени (α), и его уход (ω), однако расположение этих частиц в структуре латинского и французского презенса различно. Как отмечает Л.М. Скредина, «Положение альфы и омеги в структуре презенса определяет структуру французского индикатива. В латинском языке эти частицы находились на горизонтали: $\alpha + \omega$. Во французском языке стремление к наибольшей узости презенса привело к смене этой конфигурации на вертикальную $\alpha \overline{\omega}$ »³.

Схематически разницу между «горизонтальным» и «вертикальным» настоящим можно представить так: см. рис. 1, 2.

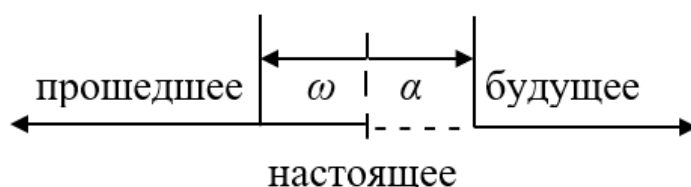


Рисунок 1 – «Горизонтальное» настоящее

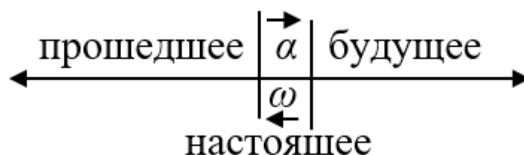


Рисунок 2 – «Вертикальное» настоящее

С этой точки зрения, употребление в латинском языке форм настоящего времени и инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *habeo*, *volo*, *debeo*, *venio* в настоящем времени становится понятным: в условиях «горизонтального» настоящего это позволяло подчеркнуть, что будущее действие начинается прямо сейчас, в настоящем, т.е. «из» настоящего, а не в отдаленном будущем, т.е. «от» настоящего, после настоящего [Скредина и др., 2023, с. 213-214]. Отсюда – та отмечаемая романистами выразительность этих

¹ Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению 540300 «Филологическое образование». М.: Издательство «Высшая Школа», 2009. 367 с. EDN QUDVHH.

² Скредина Л. М. Теоретическая грамматика французского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 – «Филологическое образование» / Л. М. Скредина, Л. А. Становая; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2012. 386 с. EDN RYWCNL.

перифраз, указывающих на долженствование, желание, возможность, необходимость, обязательность действия в будущем. Выбор же конструкции именно с глаголом *habeo* позволил представить будущее как возможное, обязательное, необходимое в своей реализации действие.

Нам легко это понять, поскольку такая же «горизонтальная» широта настоящего времени свойственна русскому языку. Поэтому, чтобы подчеркнуть обязательность, реальность будущего действия, вместо форм будущего времени часто употребляются формы настоящего, например: *Я завтра (в конце недели, через месяц, и т.д.) еду в Москву (иду в театр, сдаю отчет, и т.д.)*. Употребление форм настоящего времени позволяет избежать виртуальности, гипотетичности будущего времени.

Сокращение настоящего времени во французском языке до узкой границы, разделяющей планы прошедшего и будущего, проходило постепенно – об этом свидетельствует материал старофранцузского языка, в котором для передачи значения неминуемого, неизбежного будущего действия часто употреблялись формы не будущего, пока еще более отдаленного, а потому более виртуального, чем в современном французском языке, а настоящего времени [Скрелина и др., 2023, с. 230; Buridant, 2019, p. 530].

Можно заключить, что новые формы будущего времени появляются и развиваются в недрах самого латинского языка в процессе перестройки его собственной глагольной системы. Иначе говоря, до рождения собственно французского и других романских языков. В этой связи, образование новых форм будущего времени по латинской модели цельнооформленного, синтетического слова, где лексема предшествует граммеме (граммемам), было бы понятным, если бы во всех романских языках формы будущего времени были синтетическими. А поскольку это не так, следовательно, поиск средств для выражения «объективного будущего» в латинском языке объясняет причины раннего появления инфинитивных конструкций, но не объясняет различие полученного результата – образование новых форм будущего времени в виде синтетического слова в одних романских языках и аналитического в других.

По нашему мнению, разный результат одного и того же языкового изменения в разных романских языках в очередной раз доказывает, что не было ни более или менее единого для всей территории Романии латинского языка, ни так называемого общероманского языка как промежуточного этапа в процессе формирования романских языков. Напротив, в разных романских ареалах проходило постепенное формирование новых романских языков, все более и более отдаляющихся от латинского языка-основы. Соответственно, образование синтетических или аналитических форм будущего времени отвечало особенностям складывающихся глагольных систем пока еще протофранцузского языка, протоитальянского, проторумынского и т.д.

Чтобы понять, почему во французском языке образовались синтетические формы будущего времени, надо обратиться к истории развития другой латинской перифразы – конструкции *habeo (epistulam) scriptam*.

Конструкция *habeo (epistulam) scriptam*

Причины появления этих конструкций в латинском языке вызывают споры романистов и историков французского языка, несмотря на то, что формирование сложных глагольных форм, процесс их грамматизации и морфологизации, споры о статусе в старофранцузском языке (еще конструкция или уже форма) и значении (видовое, временное или видо-временное) обязательно описываются, исследуются и обсуждаются не только в русле аналитического развития французского языка, но и общей теории грамматизации и прагматизации.

Известно, что конструкция *habeo (epistulam) scriptam* > *j'ai écrit (une lettre)* изначально функционировала в латинском языке в качестве обычного причастного оборота, определяющего прямое дополнение, т.е. дословно: (я) имею письмо написанным. Причины, этапы и итог последующей трансформации этого причастного оборота в сложную форму глагольного спряжения описываются романистами и историками французского языка по-разному.

Двойственность видо-временного значения, выражаемого формой латинского перфекта (*perfectum*) как прошедшего времени, а именно – 1. аориста, обозначающего просто завершенное действие в прошлом, и 2. результативного презенса, обозначающего завершенное действие в прошлом, результат, последствия которого наблюдаются, присутствуют в настоящем – обычно указывается в качестве главной причины появления и грамматизации синтаксической конструкции *habeo (epistulam) scriptam* > *j'ai écrit (une lettre)*, постепенно трансформирующейся в сложную аналитическую форму глагольного спряжения.

При этом, например, Э. Бурсье, обращает внимание на ослабление изначального значения принадлежности, относящегося к настоящему времени, и отмечает, что этот оборот «превратился из настоящего времени, связанного с прошедшим, в прошедшее время, связанное с настоящим» [Бурсье, 1952, с. 103-104].

Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева указывают на ослабление видовых различий, которые «уступают место более существенным для латинской системы временным противопоставлениям форм». Грамматическая категория вида, рассматриваемая авторами как оппозиция только форм перфекта и имперфекта по «перфектности»/«инфектности», сохраняется до образования романских языков, а далее присутствует только в тех романских языках, в которых сохраняется оппозиция форм «законченного»/«незаконченного» прошедшего¹.

Между тем, в истории французского языка всегда отмечаются и более или менее подробно рассматриваются глагольные перифразы «*avoir, être + participe passé*», выражающие в старофранцузском языке как значение результативного настоящего, прошедшего, будущего, так и собственно прошедшего времени, завершенного в настоящем, прошедшем, будущем, и совмещающие, таким

¹ Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию: учебник по направлению 031000 и специальности 031001 «Филология» / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2007. 453 с. EDN QTFXQZ

образом, видовые и временные значения [Скрелина и др., 2023, с. 219-220; Buridant, 2019, p. 386-387; Grande Grammaire..., 2020, p. 1489-1509].

В современном французском языке рассматриваемая конструкция является моделью для образования всей системы новых глагольных форм, выражающих завершенность действия, например: *j'ai écrit* (passé composé), *j'avais écrit* (plus-que-parfait), *j'aurai écrit* (futur antérieur), *j'ai eu écrit* (passé surcomposé) и др. Тем самым, все времена совершенного вида и сложных, аналитических форм четко противопоставлены временам несовершенного вида и простых, синтетических форм, например: *j'écris* (présent); *j'écrivais* (imparfait); *j'écirai* (futur simple, catégorique); *j'écirais* (conditionel présent, futur hypothétique) и др.

Это противопоставление простых и сложных глагольных форм в современном французском языке многими грамматистами (Г. Гийом, Ж. Дюбуа, П. Имбс, А. Мартине, и др.) рассматривается как видовое, позволяющее выделять грамматическую категорию вида: оппозиция грамматических значений завершенности и незавершенности действия (*le non-accompli : l'accompli*; *action accomplie : non-accomplie*) выражена оппозицией простых, синтетических и сложных, аналитических форм¹.

Таким образом, в отличие от первой перифразы, эволюция которой завершилась образованием только новых форм будущего времени, эволюция второй перифразы привела к образованию полностью новой системы перфекта как системы совершенного вида.

Как показал наш анализ [Становая, 2017], столь фундаментальная перестройка всей латинской системы перфекта было обусловлена не только двойственностью видо-временной характеристики одного из своих времен, но и другими ее существенными недостатками.

Так, в латинском языке все глагольные формы образовывались по единой структурной модели «основа инфекта или перфекта + граммема (инфикс, суффикс) наклонения и времени + личное окончание активного или пассивного залога», например: основа инфекта *canta-* + граммема наклонения и времени *-ba-* + личное окончание активного залога *-t* → *cantabat* imperfectum indicativi activi; основа перфекта *cantav-* + граммема наклонения и времени *-eri-* + личное окончание активного залога *-t* → *cantaverit* plusquamperfectum indicativi activi.

Однако, в системе перфекта эта общность латинской модели была нарушена:

во-первых, формы перфекта изъявительного наклонения активного залога (perfectum indicativi activi) имели свои особые личные окончания (*-i*, *-isti*, *-it*, и т.д.), служащие для образования только этого времени, только этого наклонения и только в активном залоге, тогда как все остальные глагольные формы образовывались при помощи общих окончаний активного/пассивного залога (*-o/-m*, *-s*, *-t*, и т.д./*-or*, *-ris*, *-tur*, и т.д.);

¹ Скрелина Л. М. Теоретическая грамматика французского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 – «Филологическое образование» / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2012. 386 с. EDN RYWCNL.

во-вторых, образование форм пассивного залога всех времен и наклонений системы перфекта совершалось аналитическим способом при помощи вспомогательного глагола *esse* и причастия прошедшего времени (*participium perfecti passivi*), причем конструкции с формами вспомогательного глагола в настоящем времени имели общее значение перфекта (*cantatus est; cantatus sit*), в имперфекте – плюсквамперфекта (*cantatus erat, cantatus esset*), в футуруме I – футурума II (*cantatus erit*).

Кроме этого, в латинском языке отсутствовали единые и регулярные средства образования основы перфекта: образование основы перфекта осуществлялось при помощи удвоения начального согласного основы инфекта (*curro – cucurri*); удлинения корневого гласного (*ěmo – ěmi*); инфиксов -v-, -u-, -s- с последующими фонетическими изменениями (*scribere – scripsi; ducere – duxi; sentire – sensi*); супплетивизма (*fero – tuli*); без изменения основы инфекта (*defendo – defendi*).

Разнообразие и многочисленность, а у части глаголов отсутствие, различительных, дифференциальных маркеров (знаков), регулярно и четко различающих основы инфекта и перфекта, обусловили образование новых глаголов, выражающих различные способы действия, в том числе и перфективность (*facere* ‘делать’ → *perficere* ‘завершить’, *conficere* ‘изготовить’); а также итеративность и интенсивность действия (*jacere* ‘бросать’ - *jactum* → *jactare* ‘метать’); вхождение в действие, состояние (*pallere* ‘быть бледным’ → *palescere* ‘бледнеть’) (подробнее см.: [Становая, 2017]).

Можно заключить, что вся латинская система перфекта была организована плохо, не экономно.

Отметим, что мы употребляем термин «экономия» в соответствии с пониманием А. Мартине [Martinet, 1955], введшим термин и понятие языковой экономии в лингвистику, и со значением слова «экономия» (*économie*) во французском языке как «порядок, способ, искусство управления, руководства, гармоничное и согласованное расположение, соотношение и соединение частей любого организованного целого, единства», а не в соответствии со значением слова «экономия» в русском языке как «экономия, экономность, бережливость, расчетливость» (подробнее см.: [Становая, 2016]).

Описанную выше систему перфекта никак нельзя рассматривать как «гармоничное, согласованное, организованное единство», в котором между формой и значением в структуре знака есть необходимое и экономное соответствие, поскольку, во-первых, противопоставление глагольных форм по значению вида осуществлялось при помощи большого количества разнообразных маркеров, причем у части глаголов видовые основы инфекта и перфекта не противопоставлялись вовсе.

Во-вторых, пассивный залог был поистине «чужеродным телом в латинской глагольной системе» [Тронский, 1953, с. 112], так как здесь разрушалась не только формальная (синтетическая/аналитическая форма), но и видо-временная гармония (времена инфекта/перфекта), например:

1) формы настоящего времени изъявительного наклонения активного/пассивного залога (*praesens indicativi activi/passivi*) *cantat/cantatur* –

обе формы синтетические, образованы от основы инфекта, выражают общее значение инфекта и настоящего времени, различаются только окончанием активного/пассивного залога и, соответственно, значением активного/пассивного залога;

2) формы прошедшего времени изъявительного наклонения активного/пассивного залога (*perfectum indicativi activi/passivi*) *cantavit/cantatus est* – первая форма, активного залога, синтетическая, образована от основы перфекта, выражает общее значение перфекта и прошедшего времени; вторая форма, пассивного залога, аналитическая, образована при помощи вспомогательного глагола в презенсе и пассивного причастия прошедшего времени (*participium perfecti passivi*), выражает соединение значений инфекта и настоящего времени (*est*) со значением перфекта (*cantatus*).

Поскольку язык как динамическая система обладает свойством саморазвития и самоорганизации [Martinet, 1955], уже в латинском языке началась перестройка глагольной видо-временной системы, которая шла и в русле регуляризации средств образования основ перфекта, и в русле уточнения грамматической семантики прошедшего времени, и в русле поиска новых форм выражения завершенности действия. На столь фундаментальную перестройку всей системы перфекта потребовались столетия, но в результате в современном французском языке сформировалась новая, экономная, симметричная и гармоничная видо-временная система глагольного спряжения, в которой видовое противопоставление иерархически подчиняет себе все остальные: все времена системы несовершенного вида и простых, синтетических форм четко противопоставлены временам системы совершенного вида и сложных, аналитических форм.

С этой точки зрения, причины преобразования латинской перифразы *cantare habeo* > *je chanterai* в синтетическую форму спряжения французского глагола, а *habeo cantatam* > *j'ai chanté* – в аналитическую, становятся очевидными: будущее время входит в систему инфекта как систему несовершенного вида и получает синтетическую форму в соответствии с другими временами несовершенного вида (настоящее время, имперфект), а перфект как прошедшее время совершенного вида получает аналитическую форму и становится моделью для образования новых форм всех времен и наклонений системы перфекта как системы совершенного вида.

Можно заключить, что разная судьба латинских глагольных перифраз *cantare habeo* > *je chanterai* и *habeo cantatam* > *j'ai chanté* была предопределена всем ходом формирования и эволюции глагольной системы французского языка.

Заключение

Причины появления двух латинских глагольных конструкций типа *cantare habeo* и *habeo (epistulam) scriptam* по-прежнему остаются дискуссионными. Более того, до сих пор неясно, почему судьба двух формально идентичных глагольных конструкций латинского языка оказалась различной не только в разных романских языках, но даже в одних и тех же, в том числе и во французском: эволюция конструкций типа *habeo (epistulam) scriptam*

завершилась формированием сложных, аналитических видо-временных форм глагольного спряжения во всех романских языках, а эволюция латинских конструкций типа *cantare habeo* завершилась формированием синтетических форм будущего времени во французском, итальянском, испанском, каталанском, португальском языках, но в сельвском, сардинском, румынском, некоторых южных говорах итальянского языка эти конструкции остаются по-прежнему аналитическими.

Проведенный анализ позволил выявить причины появления обеих конструкций в латинском языке, установить особенности их дальнейшей трансформации в вульгарной латыни в период формирования романских языков; определить специфику дальнейшего развития рассматриваемых конструкций в процессе эволюции французского языка и их место в глагольной системе современного французского языка, предложить новое объяснение этого удивительного феномена эволюции французского и других романских языков.

Так, мы заключили, что употребление инфинитивной конструкции с глаголом *habeo* в значении возможного, необходимого, обязательного будущего времени обусловлено продолжающимся в латинском языке поиском языковых средств выражения «объективного будущего». Наличие в латинском языке широкого «горизонтального» презенса обусловило употребление форм настоящего времени и инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *habeo, volo, debeo, venio* в настоящем времени.

Появление и трансформация конструкции *habeo (epistulam) scriptam > j'ai écrit (une lettre)* в сложную аналитическую форму глагольного спряжения обусловлены фундаментальной перестройкой всей латинской системы перфекта, которая началась уже в недрах самого латинского языка, но завершилась в процессе эволюции французского языка. В результате этой фундаментальной перестройки в современном французском языке образована новая, экономная, симметричная и гармоничная видо-временная система глагольного спряжения, в которой все времена системы несовершенного вида и простых, синтетических форм четко противопоставлены временам системы совершенного вида и сложных, аналитических форм.

В свете этой перестройки причины преобразования латинской перифразы *cantare habeo > je chanterai* в синтетическую форму спряжения французского глагола, а *habeo cantatam > j'ai chanté* – в аналитическую, становятся очевидными: будущее время входит в систему инфекта как систему несовершенного вида и получает синтетическую форму в соответствии с другими временами несовершенного вида (настоящее время, имперфект), а перфект как прошедшее время совершенного вида получает аналитическую форму и становится моделью для образования новых форм всех времен и наклонений системы перфекта как системы совершенного вида.

Таким образом, разная судьба латинских глагольных перифраз *cantare habeo > je chanterai* и *habeo cantatam > j'ai chanté* была предопределена всем ходом формирования и эволюции глагольной системы французского языка.

Библиографический список

- Бурсье Э. Основы романского языкознания. М.: Изд-во иностр. литературы, 1952. VIII. 672 с.
- Доза А. История французского языка. Перев. с франц. Е. Н. Шор. М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. 471 с.
- Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1952. 280 с.
- Скрелина Л. М. История французского языка / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. 3 изд. М.: Юрайт, 2023. 463 с.
- Становая Л. А. Грамматическая категория вида в русле формирования и эволюции французского языка // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрелиной, Москва, 13–16 сентября 2017 года. Москва: Московский городской педагогический университет, 2017. С. 249–257. EDN ZHQJTX.
- Становая Л. А. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 4. С. 50–75. DOI 10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75. EDN XVIPMF.
- Становая Л. А. Особенности аналитического и синтетического развития французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 26–35. DOI 10.33910/1992-6464-2020-198-26-35. EDN FYUWBO.
- Становая Л. А. Системность языковых изменений // Человек и его Язык: Материалы XX юбилейной Международной конференции Школы-Семинара имени Л.М. Скрелиной, Санкт-Петербург, 14–16 сентября 2022 года. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2022. С. 207–212. EDN LXARMK.
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 272 с.
- Широкова А. В. От латыни к романским языкам. М.: Изд-во РУДН, 1995. 283 с.
- Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XI-XIV siècles). Strasbourg: ELIPHI, 2019. XXIV. 1173 p.
- Grande Grammaire Historique du Français (GGHF) / Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1-2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. LIV. 2186 p.
- Guillaume G. Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. L'architectonique du temps dans les langues classiques. Paris: Champion, 1970. 134 p.
- Hatzfeld A. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII siècle jusqu'à nos jours, précédé d'un traité de la formation de la langue: A-F / A. Hatzfeld, A. Darmesteter. Paris: Ch. Delagrave, 1895. 272 p.
- Martinet A. Économie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique. Berne: Editions A. Francke, 1955. 396 p.
- Valin R. L'envers des mots. Analyse psychomécanique du langage. Paris: Klincksieck, 1994. 396 p.
- Zink G. Phonétique historique du français. 6 éd. Paris: PUF, 1999. 254 p.

References

- Bourcier E. (1952). Basics of Romance linguistics. Moscow: *Publishing house of foreign literature*, 1952. VIII. 672 p. (In Russian)
- Buridant Cl. (2019). Grammaire du français médiéval (XI-XIV siècles). Strasbourg: *ELIPHI*, 2019. XXIV. 1173 p. (In French)
- Dauzat A. (1956). History of the French language. Moscow: *Publishing house of foreign literature*, 1956. 471 p. (In Russian)
- Guillaume G. (1970). Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. L'architectonique du temps dans les langues classiques. Paris: *Champion*, 1970. 134 p. (In French)
- Hatzfeld A., Darmesteter A. (1895). Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII siècle jusqu'à nos jours, précédé d'un traité de la formation de la langue: A-F. Paris: *Ch. Delagrave*, 1895. 272 p. (In French)

- Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). (2020). Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Vol. 1-2. Berlin, Boston: *De Gruyter Mouton*, 2020. LIV. 2186 p. (In French)
- Martinet A. (1955). Économie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique. Berne: *Editions A. Francke*, 1955. 396 p. (In French)
- Sergievskij M. V. (1952). Introduction in Romance Linguistics. Moscow: *Publishing house of literature in foreign languages*, 1952. 280 p. (In Russian)
- Shirokova A. V. (1995). From Latin to Romance languages. Moscow: *RUDN Publishing*, 1995. 283 p. (In Russian)
- Skrelina L. M., Stanovaïa L. A. (2023). History of the French language. Moscow: *Jurajt*, 2023. 463 p. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2016). Addressing the principle of linguistic economy again. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2(4): 50-75. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2017). The grammatical category of the aspect in line with the formation and evolution of the French language. *Fundamental and actual in the development of language: categories, factors, mechanisms. Materials of the XVIII International Conference of the L.M. Skrelina School-Seminar*. Moscow: Moscow City Pedagogical University Publishing. 249-257. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2020). Features of the analytical and synthetic development of the French language. *News Herzen University Journal of Humanities & Science*. 198: 26-35. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2022). Systematicity of language changes. *Man and his Language: Materials of the XX Anniversary International Conference of the L.M. Skrelina School-Seminar*. St. Petersburg: Publishing and Trading House «SCYTHIA». 207-212. (In Russian)
- Tronsky I. M. (1953). Essays from the history of the Latin language. Moscow: *Publishing House of the USSR Academy of Sciences*, 1953. 272 p. (In Russian)
- Valin R. (1994). L'envers des mots. Analyse psychomécanique du langage. Paris: *Klinsieck*, 1994. 396 p. (In French)
- Zink G. (1999). Phonétique historique du français. 6 éd. Paris: *PUF*, 1999. 254 p. (In French)